

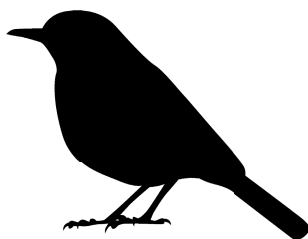
Посвящается Клэр и магии, которую она создает.

И ю н ь, 1 9 4 0

В Европе свирепствует война. Разгромленные британские экспедиционные силы и их союзники отступили из Дюнкерка, и Франция пала под натиском Гитлера. В Великобритании вводятся нормы на продовольствие, а детей эвакуируют из городов в сельскую местность, чтобы уберечь от надвигающихся бомбардировок. Учитывая количество мужчин, сражающихся на передовой, поддержание жизни в стране ложится на плечи женщин. Женская земледельческая армия помогает на фермах, патруль воздушной тревоги наблюдает за небом, а женский добровольческий корпус оказывает им всем поддержку. Те мужчины, кто слишком стар для призыва в армию, записываются в отряды местной обороны (вскоре они станут известны как Ополчение) и готовятся к вторжению.

Тем временем в тихой деревушке в сельской местности графства Кент происходят странные вещи...

ПРОЛОГ

ПОЛЕ В АНГЛИИ

Под закатным небом, испещренным желто-розовыми облаками, стоит в поле одинокое пугало. Жалкое зрелище, облаченное в красное клетчатое платье, которое некогда служило кому-то лучшим воскресным нарядом; с мешком вместо головы, пуговицами вместо глаз и стежками ниток на месте улыбки. Закутанное в заплесневелую старую шаль, оно висит на крестовине, словно позабытое белье. У пугала есть имя, Сьюки, но ее мозг так же пуст, как и ее карманы.

Над вспаханной землей раздается монотонный звон коровьего колокольчика.

Некая фигура шествует по полю, размахивая им, точно священник кадилом с ладаном, но двигается она неестественно, судорожно дергая конечностями. За спиной у нее развеваются фалды пыльного смокинга, а потертый цилиндр на голове лихо сдвинут набок. Галки отпугивают фигуру громкими криками, но та продолжает свой путь. Ее голова — тыква насыщенного оранжевого цвета, какой бывает у призовых кубков. Улыбка — заостренные зубья пилы. Глаза — черные треугольники.

При приближении незнакомца галки предусмотрительно взмывают в небо, оставляя Сьюки наедине с ним. Он еще немного гремит колокольчиком, дабы убедиться, что птицы не вернуться. Эхо стихает, оставляя после себя лишь тихий рокот ветра. Воздух по-летнему сладкий, почва рыхлая, а небо окрасилось в кроваво-красный цвет. Тыквоголовый засовывает колокольчик в смокинг и подходит ближе. Он кружит возле Сьюки, словно танцор, перескакивая с ноги на ногу, затем обхватывает ее голову из мешковины и шепчет слова на языке, который не слышали со времен изгнания его рода.

Слова проникают в нее, наполняя до краев. Это требует времени. Но Тыквоголовый терпелив.

Сьюки вздрагивает, шуриша соломенной набивкой, и поднимает взгляд, в ее глазах-пуговицах загорается свет.

— Вот и все, — говорит ей Тыквоголовый. — Ну же, давай я тебе помогу. — Он достает складной нож, спрятанный под ленту цилиндра, и разрезает ее путы.

Сьюки судорожно мотает головой, как испуганный новорожденный.

— Теперь ты свободна, сестра, — произносит Тыквоголовый. — Как и все мы.

По полю разносится звон и лязг. Сьюки обращает взор на горизонт, где дюжина или более пугал, пританцовывая, шествует к ней.

Мешковина на голове Сьюки поскрипывает, пока ее стежки складываются в улыбку.

1

КНИГА РИТУАЛОВ И МАГИИ УИНТЕР

Однажды отец Фэй, мистер Брайт, поведал ей, что в самом центре леса находится старый дуплистый дуб. Тогда ей было шесть, и они выгуливали собак мистера Барнетта, когда наткнулись на это дерево. Отец утверждал, что оно — старейшее в этом лесу. Юная Фэй втайне надеялась, что из-за него вот-вот выглянет сказочный волк.

Сейчас Фэй уже исполнилось семнадцать. И в графстве Кент не водилось волков. А дуплистый дуб располагался достаточно далеко, чтобы укрыться от любопытных глаз. Именно там она впервые открыла книгу.

Фэй нашла ее в сундуке со старыми безделушками, когда вместе с отцом разбирала хлам в углу подвала паба. Они искали куски старого металлолома для сбора «Кастрюли для истребителей»¹, организованного миссис

---

¹ Во время Второй мировой войны в Великобритании организовывались сборы кухонной утвари, которую впоследствии переплавляли и использовали в производстве истребителей «Спитфайр». (Здесь и далее — *прим. ред.*)

Бакстер, когда Фэй открыла сундук, задвинутый в тень за бочки с элем. Внутри обнаружилась коробка с письмами, расческа с ручкой из слоновой кости, несколько дешевых ожерелий и серег, треснувшая граммофонная пластинка Graveyard Dream Blues¹ Бесси Смит и эта книга в кожаном переплете.

Отец Фэй, Терренс, разбирал коробку с потускневшими столовыми приборами, когда она достала книгу из сундука. На первый взгляд в ней не было ничего примечательного. Обтянутая красной кожей, благодаря чему ее можно было принять за бухгалтерскую книгу или дневник из канцелярской лавки, с простыми обложкой и корешком, без названия и автора. Тем не менее внутренний голос Фэй подсказывал, что ей следует сохранить эту находку в тайне. Она открыла первую страницу. От нацарапанных тушью слов у нее едва не остановилось сердце.

«Книга ритуалов и магии Уинтер», автор Кэтрин Уинтер.

Уинтер. Девичья фамилия мамы.

А затем, чуть ниже, более темными чернилами выведено:

Моей дорогой Фэй, когда настанет время.

Фэй закрыла сундук, спрятала книгу под комбинезон, сказала отцу, что ей пора на занятие по колокольному звону, и ушла.

Она не хотела открывать книгу в пабе, не желала показывать ее в деревне и даже не осмелилась открыть ее в уединении собственной комнаты. Фэй нужно было оказаться как можно дальше от людей, поэтому она направилась к дубу в центре леса.

Чтобы сбить с толку нацистских шпионов, все знаки возле дороги давно сняли, но Фэй могла бы проехать на

---

¹ Блюз «Сон о могиле» (англ.).

велосипеде по этому маршруту с завязанными глазами. Она покинула деревню по конной тропе возле фермы Баттервортов, двинулась через Римский мост в лес, пока дорога не уступила место зарослям папоротника и орляка. Оставив велосипед возле серебристой березы, Фэй продолжила путь пешком, всю дорогу размышляя о том, как бы объяснить наличие книги в своей сумке, если бы кто-нибудь застал ее за чтением.

Древний лес со временем стал меньше, съедаемый земледелием, дорогами и строительством домов. Теперь от него осталось не более нескольких квадратных миль, заросших вековыми дубами, тисами, соснами, березами, буками и ольхой.

Если исследовать чащу достаточно долго, можно добраться до меловых скал и побережья, но корни леса цепляются за Вудвилл. Деревня уютно расположилась на его границе, и между ними установилась своего рода договоренность. Жители деревни брали только самое необходимое, а лес терпел их странные маленькие ритуалы: например, когда они группами бродили с картами и компасами и в итоге терялись или когда приводили своих собак погонять белок и помочиться на деревья. И он с радостью позволил девушке в комбинеzone, с орехово-каштановыми волосами и большими круглыми очками, бродить в наступающих сумерках по его скрытым тропинкам. Если бы лес знал, к чему это приведет, он бы мог ее тогда остановить, но с возрастом он стал благодущеe.

Фэй пробежала по камням возле реки Вуд и поспешила вверх по илистому берегу, где однажды нашла кремневый топор. Местный викарий, преподобный Джейкобс, считал, что его смастерили еще в каменном веке, во времена первых поселенцев Вудвилла. Он выставил топор в церкви рядом с обломками саксонских глиняных

горшков, которые нашел во время скаутского похода. Какое-то время Фэй подумывала о карьере археолога, но пару лет назад один из скаутов, Генри Могг, заявил, что девочки недостаточно выносливы для работы на свежем воздухе, и, дабы доказать, что он ошибается, она пнула его по голени, чем заслужила исключение из гайдовского движения¹ за неподобающее поведение.

Она все равно слишком взрослая для них. В семнадцать лет Фэй уже была готова ко всему. Даже к войне.

Когда Фэй добралась до поляны с дубом, летнее солнце уже опускалось за верхушки деревьев. Она огляделась, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, и уловила всполохи красного, зеленого и желтого цветов, когда меж деревьев пронесся дятел. Убедившись в том, что она одна, Фэй села у подножия дерева. Многовековой дуб склонился над ней, словно любопытный наблюдатель. Пока она устраивалась поудобнее, его пробившиеся сквозь почву узловатые корни обвивали ее, создавая подобие гнезда.

— Посмотрим, что тут за чертовщина, мама, — с благоговением прошептала Фэй, раскрыв книгу.

Каждую страницу испещряли карандашные и угольные наброски символов, рун и магических предметов, а также акварельные рисунки странных существ, которых не встретишь ни в одном зоопарке. Вокруг них чернилами были выведены заметки. Некоторые пометки были сделаны твердым курсивом, но в основном это были пятна и мазки, нацарапанные в порывах ужасающего вдохновения.

Эта книга не была похожа ни на одну из тех, что Фэй доводилось читать ранее. Ей нравились детективные

---

¹ Гайдовское движение — всемирное движение, ставящее своей целью духовное, интеллектуальное, физическое развитие, формирование характера и социальную адаптацию представительниц женского пола.

романы, где несколько смышленных малых раскрывали убийство. Но здесь не было ничего подобного. Только ритуалы, магия, монстры, демоны и, по какой-то причине, рецепт пудинга с вареньем.

Фэй листала страницы, пока рисунки и слова не превратились в расплывчатые пятна. Из книги выскользнул клочок бумаги. Она подхватила его, прежде чем тот успел опуститься на землю, и перевернула.

— Ничего себе, — произнесла Фэй, не до конца веря своим глазам.

Страницу заполняли восемь рукописных столбцов чисел, между которыми зигзагами тянулись линии синих и красных чернил. Немногие сумели бы понять, что перед ними, кто-нибудь мог заподозрить шифр, но Фэй мгновенно узнала сей рисунок.

Это был метод колокольного звона.

Восемь колонн символизировали восемь колоколов, а красный и синий зигзаги — порядок приведения их в действие. С тех пор как ей исполнилось двенадцать, каждые пятницу и воскресенье Фэй звонила в колокола в церкви Святой Ирины. Ее мать тоже была звонарем.

Мама умерла, но успела создать свой метод звона.

И даже придумала ему название. Вверху страницы мама Фэй нацарапала слово «Кефалепе». Совсем нехарактерно для метода. Разумеется, им давали странные названия, но обычно это было что-то вроде «Двойной маятник», «Сюрприз из Кембриджа» или «Оксфордский тройной маятник», а не абсурдное «Кефа-что-то-там». А еще метод казался довольно необычным. Фэй попыталась воспроизвести его в голове, но что-то пошло не так.

Магия, ритуалы и колокольный звон.

И пудинг с вареньем.

Под схемой мама Фэй написала еще несколько слов:

«Я сокрушаю гром, я терзаю зло, я изгоняю тьму».

— Ты что? — пробормотала про себя Фэй. — Ох, мама, о чем ты говоришь?

Когда ее мать умерла, Фэй было всего четыре года. Достаточно осознанный возраст для воспоминаний, даже если они призрачные. Подробности настигали Фэй маленькими вспышками в самые неожиданные моменты. Аромат розмарина пробудил воспоминания о том, как она, будучи еще совсем малышкой, помогала маме в саду. Покрывало напоминало о поцелуях на ночь. Ее мама была островком утешения и счастья.

Вот почему Фэй так сердилась на нее.

Она знала, что не права. Мама не виновата, что умерла такой молодой — дифтерия не особо разборчива, — но любое упоминание о ней приводило Фэй в ярость. Все эти годы жизни без матери, все дни рождения, дни Рождества и летние сезоны, и все те вещи, которые им не суждено было сделать вместе.

И поэтому Фэй запрятала ее образ как можно дальше. Мама осталась в прошлом — незнакомка, смутное воспоминание. Фэй смирилась с этим и продолжала жить своей жизнью.

Но оказалось, что она обманывала себя. Водрузив книгу на колени, Фэй по глупости позволила вспыхнуть маленькой искорке надежды. Может быть, наконец появится хоть какой-то ключ к разгадке того, кем на самом деле была ее мать. Может, наконец-то эта зияющая пустота в сердце будет заполнена.

К сожалению, содержание книги говорило только о том, что ее мама была либо ведьмой, либо сумасшедшей.

Фэй прочитала книгу от корки до корки, затем еще раз, завороченная словами и рисунками, без конца задаваясь вопросом, почему мама написала все это и почему